

УСТРАНЯТ ЛИ КАПИТАЛИСТЫ КАПИТАЛИЗМ?

Ричард Лахманн

АКАДЕМИЯ

ЕЩЕ РАЗ О КОВАРСТВЕ ИСТОРИИ

(о книге Ричарда Лахманна «Капиталисты вопреки себе»)

«Сова Минервы вылетает в сумерки»: часто мы начинаем постигать суть явления тогда, когда оно завершает свое развитие, и знание о нем рискует оказаться чем-то вроде улыбки Чеширского Кота. К разряду таких явлений относится и капитализм. Сегодня ясно, что существовавшая почти два столетия и поддерживаемая в своих интересах либералами и марксистами схема генезиса капитализма, согласно которой корона и бюргеры (буржуазия) сокрушили феодалов и создали *brave new capitalist world*, — не более чем миф. В последние десятилетия сделано немало для воссоздания реальной картины возникновения капитализма, причем не столько марксистами и либералами, сколько идеологически неангажированными исследователями с явно выраженной тягой к транспрофессионализму. Один из таких исследователей — Ричард Лахманн (США).

В работе «Капиталисты вопреки себе. Конфликт в среде элит и экономические изменения в раннесовременной Европе» (Lachmann R. *Capitalists in spite of themselves. Elite conflict and economic transitions in early modern Europe*. — Oxford etc.: Oxford Univ. Press, 2002) Лахманн убедительно показывает, что капитализм и нация-государство не были созданы (прото) буржуазией и протестантами. **Капитализм возник как побочный продукт борьбы позднесредневековых элит друг с другом и с низами в условиях кризиса, грозящего элитам утратой позиций и привилегий.**

Элиты стремились интегрироваться в возникающий мировой рынок и решить те проблемы, которые они не могли решать на локальном уровне в Европе эпохи Реформации. Только в ретроспективе мы можем квалифицировать эти действия как капиталистические: «История социальных изменений в раннесовременной Европе — это

история разрыва между намерениями и результатами», — пишет Лахманн. Начиная с XVI века внутриэлитные конфликты оказываются тесно переплетенными с неэлитными, что придает всей эпохе революционный характер и резко усиливает борьбу элит за создание институтов, способных сохранить их привилегии. Будут ли эти институты капиталистическими или иными — другой вопрос. В результате, заключает Лахманн, **мы и сегодня имеем дело с институтами, созданными флорентийскими патрициями, голландскими олигархами, испанскими конкистадорами, а также землевладельцами и купцами из Франции и Англии.**

Первыми капиталистами были постфеодалы, включившиеся в сначала атлантическое, а затем мировое разделение труда в качестве агентов рынка. Только с конца XVIII века буржуазия и те, кто не смог удачно встроиться в мировую систему Старого Порядка, бросили вызов и капиталистам первой волны, и монархическому государству — с помощью тайных надгосударственных организаций, финансового капитала и манипуляции недовольными массами. Не важно, что буржуазия в ядре капсистемы преуспела. Важно то, что **буржуазия — лишь часть мирового капиталистического класса, которой он пожертвует в случае необходимости.**

С середины 1970-х годов верхушка этого класса демонтирует институты, созданные в «длинном» XVI веке (1453–1648) по той же причине, по которой феодальные верхушки демонтировали феодализм. Социальные битвы «длинного» XVI века могут позволить лучше понять логику и принципы социальной борьбы «длинного» XXI века (1975–2025?), чтобы использовать это знание в мировой борьбе за власть, информацию и ресурсы.

АНДРЕЙ ФУРСОВ —
директор Центра русских исследований
Московского гуманитарного университета;
руководитель Центра методологии и
информации Института динамического
консерватизма
Специально для РЖ

Ричард ЛАХМАНН — американский историк, социолог, профессор сравнительной (исторической) социологии Государственного университета штата Нью-Йорк (SUNY) в Олбани, автор монографии «Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe» (2000)

РЖ Уважаемый господин Лахманн, можно ли провести обобщенные параллели между событиями, описанными в вашей монографии, и политико-экономическими последствиями нынешнего глобального кризиса? Не происходит ли сейчас новая масштабная элитная трансформация на фоне идеологии «национализации рисков» крупного бизнеса, когда государства методами, зачастую далекими от рыночных, гарантируют капиталу безопасность от угроз глобального кризиса? Не ожидает ли мир отказ элит от идеологии капитализма в ближайшие десятилетия?

Полагаю, что абсолютно прямых параллелей между обсуждаемыми в моей книге кризисами позднего феодализма и раннего капитализма, с одной стороны, и кризисами современного капитализма, с другой, нет. Однако у любых кризисов есть одна общая черта — они подрывают утвердившиеся социальные конструкции. Кризисы прошлых столетий открывали дорогу в политику новым классам и, прежде всего, давали государствам шансы для освоения новых возможностей господства над гражданами и ресурсами своих стран.

Нынешний кризис уже привел к усилению контроля государств над национальными экономиками, и, скорее всего, эта тенденция сохранится. Труднее предсказать, будет ли способствовать кризис мобилизации народной воли. Если это случится, то государства, вероятнее всего, откликнутся мерами, направленными на более справедливое перераспределение доходов, а также на увеличение социальных льгот, по возможности усилив вмешательство государства в промышленную политику и в сферу ассигнования капитала. Мы видим, что в некоторых частях Латинской Америки государства уже предпринимают такие шаги, эта тенденция также особенно заметна в Китае. На данный момент массовая мобилизация граждан ограничивает такого рода шаги в США, и в большинстве стран Европы.

Сплоченность элит достаточно высока и сегодня, в условиях кризиса. Мы видим, что в Америке и на большей части Европы элиты единодушно проводят в жизнь политику субсидирования банков и отдельных крупных компаний. Только в случае продолжения экономическо-

го спада и уменьшения возможностей государства спасти от беды банки и компании мы увидим, что некоторые элиты, оказавшись на грани банкротства, решатся порвать с остальными. Это откроет двери для выдвижения требований со стороны общественных групп соответствующих стран. Можно довольно уверенно утверждать, что **экологические и техногенные катастрофы, которые неминуемы в ближайшие годы** (их причиной станет в первую очередь перенаселение), **также приведут к росту национализма.** Это произойдет, как только государства и их граждане начнут принимать меры, рассчитанные на то, чтобы отгородить себя от этих катастроф путем

так же, как они поступили в тридцатые годы XX столетия. Именно на этом этапе, и только тогда, и может произойти трансформация современных элит. Но это сценарий исключительный.

Скорее же всего, **большинство мировых элит не расстанется с капиталистической идеологией, поскольку на ней основаны их притязания на собственность.** Однако капиталистическая идеология изменится. Капиталистам будет свойственен более националистический настрой, и в своих претензиях они станут в гораздо большей степени, чем сейчас, исходить из национальных интересов. Они не будут больше утверждать,

ограничения иммиграции, а также посредством накопления запасов воды и продовольствия. В таких условиях могущество государства и его автономия сильно возрастет, что позволит государственным чиновникам размещать капитал вне сферы действия рыночных сил и во вред интересам капиталистического класса. Если это случится, **государственные элиты могут и вовсе отвернуться от капиталистической идеологии, точно**

что «мир плоский» или, по выражению Маргарет Тэтчер, что «не существует альтернативы» диктату глобальных рынков капитала. Вместо этого элиты будут продвигать тезис о том, что корпорации способны наилучшим образом продвигать интересы своей страны. ■

*Беседовали Никита Куркин
и Юлия Нетесова*